

В. М. ЧЕРНОВ

Анархизм и программа-минимум

<Фрагменты>

За последнее время особенно часто приходится слышать с разных сторон нападения на так называемую «программу-минимум» социалистических партий. На нее нападают и справа, и якобы слева. На нее нападают реформисты и «реальные политики», считающие, что она слишком связывает руки и мешает приспособляться к условиям практически-осуществимого. На нее нападают максималисты и ультра-революционеры, считающие, что она слишком связывает руки и мешает приспособляться к особым условиям революционных моментов, совершенно преобразующих массы. Одни хотели бы избавиться от нее для большей свободы в деле социал-реформистских экспериментов. Другие хотели бы избавиться от нее для большей свободы в деле социально-революционных экспериментов. Одни взамен «программы минимум» выдвигают «платформу», т. е. некоторую часть программы-минимум, обладающую, как предполагается, большей реальностью, более близкой осуществимостью. Другие взамен программы-минимум выдвигают нечто среднее между нею и программой-максимум, т. е. некоторую часть программы-максимум, обладающую, как предполагается, опять-таки более близкой осуществимостью. Одни недовольны программой-минимум, считая, что она ненормально расширяет круг практических задач социалистической партии. Другие недовольны программой-минимум, считая, наоборот, что она ненормально его суживает. Как видите, с двух сторон ее обвиняют в прямо противоположных и взаимно друг друга исключаящих грехах. И, несмотря на это, между этими обвинениями есть известная

мера внешнего сходства. Здесь, как всегда, *les extremity se touchent* — крайности сходятся.

В прошлой нашей статье («О народно-социалистической партии») мы рассмотрели возражения против программы-минимум, идущие «справа». Теперь мы должны рассмотреть возражения против нее, идущие со стороны людей, считающих себя — сравнительно с нами — более «левыми». <...>

И так как мы, вообще говоря, всегда склонны предпочитать «оригиналы — спискам», то нам кажется гораздо более целесообразным обратиться к анархистскому оригиналу полемики против программы-минимум, и лишь время от времени дополнять его параллельными указаниями из литературы «максималистов».

Сборник «Хлеб и воля», составленный из статей П. Кропоткина, В. Черкезова, Э. Реклю, Л. Бертони и др. (Изд. «Священный огонь» Ал. Морского, СПб., 1906 г.) представляет собою на добрых $\frac{3}{4}$ сплошную пламенную полемику против «минимализма». Poleмика эта, в зависимости от индивидуальности авторов отдельных статей*, иногда сильнее, иногда слабее: иногда снабжена определенным научным багажом; иногда лишена его; иногда талантлива, иногда шаблонна и трафаретна; но всегда чрезвычайно одушевлена, жива и проникнута резко-боевым, полемическим духом. Мы не станем, однако, останавливаться на полемических моментах; разве только ради наглядности, при случае, мы приведем мимоходом один-два образца; по существу наша задача другая. Мы постараемся выбрать из этой довольно большой книги, заключающей в себе около 300 страниц, все наиболее существенное для освещения вопроса о «максимализме» и «минимализме».

В этом отношении, естественно, прежде всего наше внимание останавливает на себе статья с громким заглавием «Долой программу-минимум!» Она устанавливает совершенно определенную, последовательную, законченную — можно сказать даже художественно-законченную точку зрения на разбираемый вопрос.

---

* К сожалению, отдельные авторы в сборнике не указаны. Это затрудняет полемику, ибо заставляет нас принять их ответственность друг за друга, как бы связанных круговой порукою. Не думаю, чтобы это всегда было удобно для людей с такой определенной авторской индивидуальностью, как П. Кропоткин. Но — что делать! они почему-то сами хотят выступить как совершенно слитное целое.

«Цель социалиста-анархиста во всякое время и при всяких обстоятельствах одна и та же». Это — безгосударственное коммунистическое общежитие. «Промежуточных целей быть не может». «Мы не можем допускать постепенщины в нашей революционно-социалистической деятельности, мы должны быть непримиримы с самого начала до самого конца». «У нас есть враги... они готовы нас заманить на путь соглашения, уступок, компромиссов»... «Нам же надо, чтобы правительство постоянно запаздывало со своими уступками, чтобы оно увидело, что дело теперь идет не об уступках, а об окончательной ликвидации, о социальной революции». «Если уж проливать кровь, то было бы за что. Кровь не вода. За уступки стоит ли?» «Да, если мы хотим воспользоваться благоприятным революционным движением для общечеловеческой пользы, если мы хотим действительная освобождения людей и в том числе живущих в так называемой России, — мы должны бояться уступок, как огня». «Какие же тут могут быть разговоры об уступках? Наша задача не ждать уступок, — не добиваться уступок — от нашей революционной деятельности, а, наоборот, все усиливать и усиливать интенсивность и силу революционных ударов»*.

Постановка вопроса в смысле ясности и определенности, действительно, не оставляет желать ничего большего. Это называется поставить вопрос ребром и ответить на него прямо, без уверток и без недомолвок. <...>

Итак, усвоим непримиримую тактику; будем бояться уступок как огня, будем мешать всякой попытке законодательного улучшения; будем обострять отношения настолько, чтобы воспрепятствовать всякой уступке со стороны правящих и имущих; будем встречать всякую уступку настолько враждебно, чтобы идущих на встречу народу половинчатых реформаторов безжалостно отбрасывать в лагерь реакции; покажем им, что они — наши злейшие враги, невольно «приостанавливающие прогресс», тогда как «бесчеловечность» наших врагов есть наш союзник — какая смелая, решительная, целостная тактика! Ее можно целиком принять или целиком отвергнуть; ею можно восхищаться, ее можно ужасаться; но нельзя не сознаться — неправда ли — что по своей законченности она производит прямо художественное впечатление, что это — программа, как будто высеченная из одного куска гранита?

---

* «Хлеб и воля», стр. 135–136.

Увы — это не так... Это — блестящей мираж. Подойдите к нему поближе и он рассеется. Присмотритесь хорошенько к этому красивому, целому плоду; вооружитесь острым ножом — ножом анализа; разрежьте его; — и внутри перед вами обнаружится разъедающая его, и уже подточившая его во всех направлениях внутренняя червоточина...

В «Хлебе и воле» неоднократно говорится, что нет большего врага революции, нет большего врага рабочего дела, как робость мысли, точнее робость недомыслия. Нет решимости доводить логически до конца свою идею или отказаться от нее. Мысль останавливается на полдороге, отшатываясь от своих собственных неизбежных последствий. Авторы сборника призывают нас, наоборот, к полному и безусловному идейному бесстрашию. И мы охотно поднимаем брошенную нам перчатку. Мы ставим ребром вопрос: точно ли тот путь, которым вы идете, есть путь идейного бесстрашия?

<...> Идейное бесстрашие будет там, где формула решения продумана в своем существе до конца и проведена во всех своих разветвлениях, в применении к разным частным вопросам, с полною верностью основному принципу. Есть ли такое идейное бесстрашие у анархистов?

Такого идейного бесстрашия у них нет и в помине. Нет и намека на него. Начав за здравие идейного бесстрашия, они кончают за упокой. Начав с приведенных нами формул абсолютной революционной ультра-непримиримости, они сами же, последовательно, отступаются от всего их конкретного содержания. Увидеть это не представляет труда.

«Всё или ничего!». Поистине, «это звучит гордо». Никаких промежуточных целей — они вредны; теперь, именно теперь же — полная ликвидация старого строя, безгосударственный коммунизм без всяких урезок! — Так читали мы, и, прочтя, задаем вопрос: «Прекрасно; все это очень смело, и звучит красиво; но скажите нам теперь всерьез: вы в самом деле убеждены, что эта идеальная задача может быть немедленно осуществлена, что есть достаточно большие силы и достаточно благоприятные внешние условия для практического достижения социалистического идеала в итоге именно нынешнего нашего революционного кризиса?»

И на этот вопрос мы немедленно получаем решительный ответ... нет, виноват, мы получаем на него даже больше: целых два ответа. Но, вопреки арифметике, здесь два вряд ли больше одного...

Один ответ крайне красив. Он весь пышет революционным жаром. Он не просто ответ: он вместе с тем — новое тяжкое обвинение против нас.

«Разве проповедь наших политических партий о том, что пока еще не пробил час социализма, не умеряет революционный пыл народа?... И это в момент революции! Разве социалисты-революционеры не распространяют тот взгляд, что теперь разговоры об экспроприации фабрик несвоевременны, что рабочие еще не дозрели до социализма?... какое другое влияние, кроме умеряющего, может оказать это на народные массы?»*

Да, ответ понятный! Наш вопрос нас только выдал: он показал, что мы гасители революционного духа народного. Не то — анархисты. Они помнят святую революционную заповедь «духа не угашайте». Они не уподобятся нам. Они скажут рабочим: уже пробил час безгосударственного коммунизма. Они без колебаний выдадут рабочим аттестат полной социалистической зрелости. И, вероятно, найдутся рабочие, которым это будет лестно, сердца которых устремятся сочувственно навстречу новым пророкам, «приятным во всех отношениях».

Но — не обманывают ли нас наши глаза? Что это читаем мы в том же сборнике «Хлеб и воля»? Что это значит?

«Мы прекрасно знаем, что *не завтра или послезавтра* осуществится в России анархизм, т. е. безгосударственный коммунизм...»**.

«Мы *не мечтатели*, и убеждены, что частная собственность и государство исчезнут только после ряда народно-рабочих революций...»***.

«Мы не думаем, что *ближайшая революция* поведет к осуществлению нашего идеала во всей его полноте. Революция не будет делом какой-нибудь одной партии и *не может она потряхнуть сразу* все пережитки старого общества...»****.

«Руководимый политиками, занявшими в наше время место волхвов, жрецов и шаманов, *народ от ошибки переходит к ошибке*, пока не поймет, наконец, всю бесплодность искания хороших господ, хороших хозяев и не сознает, что проще и разум-

---

* «Хлеб и воля», стр. 81–82.

** «Хлеб и воля», стр. 7.

*** Там же, стр. 202.

**** Там же, стр. 132.

нее устроиться без всяких господ и хозяев... В латинских странах самовоспитание народа в этом духе уже началось; у нас же *его еще только нужно начать...*»*.

Да, что же это значит? Народ, оказывается, для социализма не только не созрел, но еще и *не начал* созревать; час социализма, оказывается, вовсе не пробил, ибо «мы не мечтатели...» Но как же так? Ведь выходит, что и анархисты — гасители революционного духа! Что они делают? «Какое другое влияние, кроме умеряющего» может это оказать «на революционный пыл народа»? «И это в момент революции!».

Или то, что не позволено социалистам-революционерам, позволительно для анархистов? Или у анархистов есть две истины и две мерки: одна — показная, ярко-красная, насквозь ультрареволюционная, — специально для того, чтобы мерить ею «чужие» партии; другая — цветом много поскромнее — для собственного домашнего обихода? <...>

И, однако, «двойная бухгалтерия» проникает собою положительно всё мирозерцание анархизма.

Возьмем хотя бы все тот же вопрос — об «уступках». Мы уже слышали, что об уступках «не может быть и речи», что нельзя ни «ждать уступок» от своей революционной деятельности, ни «добиваться» их; напротив, нужно «бояться уступок, как огня». Чего бы, кажется, яснее? Долой уступки! а потому и «долой программу-минимум»!

Итак, враг, т. е. социалист-«минималист», поражен насмерть. Ну, а после этого, для большей популярности анархистской тактики, можно, с божией помощью, доказать рабочим, что необходимым для них частичным уступкам тактика эта не только не враждебна, но, напротив — только она и является верным, надежным средством этих уступок добиться...

«Мы не можем говорить рабочему, что реформа — все и советовать ему довольствоваться реформами... Но, конечно, все это несколько не обязывает нас относиться враждебно к частичным улучшениям, как, например, уменьшению рабочего дня, увеличения заработной платы и пр.»

«Но помилуйте же, — скажет удивленный читатель, — какие же вы анархисты, — вы признаете частичное улучшение. Вы, как анархисты, должны желать сразу социальной революции,

---

* Там же, стр. 83.

без оговорок сразу анархизма, или ничего не желать. Так ли это? Разумеется, нет. Сказать, что из-за частичных реформ не надо забывать конечную цель... не значит безапелляционно осуждать всякие попытки частичных улучшений». «Мы не враждуем с частичными улучшениями, мы только отводим им надлежащее место». «Как социалисты, мы должны неустанно бороться для проведения наших принципов в жизнь; *походя* же мы можем содействовать осуществлению частных реформ*.

«Мы имеем претензию считать себя, по меньшей мере, настолько же практичными, как и наши оппоненты, и идти, даже к осуществлению частичных улучшений, не менее и даже более верным путем**.

Поистине, чего хочешь, того и просишь! Если угодно — можно взобраться на революционный Монблан и оттуда, с недостижимой высоты величия, назвать врагами народа всех, признающих уступки; если угодно — можно спуститься и в плоскую равнину «практичности», и там «походя» реформировать, и даже «идти самым верным путем» к «частичным улучшениям». Если угодно — можно отрицать все «промежуточные» меры, и бояться уступок, как огня; если угодно — можно, наоборот, заявить, что это-де враги «создали и распространили ту легенду, как будто анархисты — враги всякого рода частных улучшений***.

Да, спуск с Монблана крайне прост... Вместо прежнего идейно-бесстрашного девиза «чем хуже, тем лучше», и «всё или ничего», при более внимательном рассмотрении, оказываются налицо гораздо более скромные положения: «из-за частичных улучшений не надо забывать конечную цель», «реформа — еще не всё», «не нужно *довольствоваться* реформами»... Вот как постепенно слиняли краски... Но какой же, даже самый плохонькой социал-демократ отказался бы признать столь элементарные истины, которые он затвердил еще с малолетства? Ведь это только Бернштейн в самом разгаре своего «поправения» написал было как-то с разбегу, что для него «конечная цель — ничто, а движение — всё», — да и то только для того, чтобы извиниться и объяснить, что его «не так поняли»... <...>

---

* «Хлеб и воля», стр. 46–49.

** Там же, стр. 132.

*** Там же, стр. 49.

Неудивительно, что на анархизме практически всегда лежит резко выраженный отпечаток *демагогии*. В спорах с другими фракциями анархисты сплошь и рядом оказываются вооруженными какой-то бушменскою моралью: добро, когда я уведу у другого его жену; зло, когда другой уведет у меня мою жену. Просто и ясно. Можно всегда выставлять других гасителями революции, шаманами, оппортунистами, «минимальными социалистами и максимальными политиками», которым не дорога рабочая кровь, которые пользуются рабочими, как пушечным мясом, и т. п. А главное, можно обвинять их во всех этих грехах за то же самое, что, как видите, для самих анархистов совершенно допустимо. <...>

* * *

Проследим, однако, еще на нескольких примерах, как умеет, смотря по надобности, поворачиваться то одною, то другою своею стороною двуликий Янус анархизма.

Мы видели, с какой решительностью анархизм отвергает какие бы то ни было «промежуточные цели». Ведь это по его образцу «несовершеннолетние анархисты» — максималисты хотят через все промежуточное перескочить «прямо к цели» — к конечной цели. Это, однако, не мешает анархисту так рассуждать о своей тактике:

«Между преследуемою целью и употребляемым средством должна существовать известная пропорциональность. Так, напр., для того чтобы достигнуть небольшого увеличения заработной платы или уменьшения рабочего дня, никто не станет предлагать социальную революцию. Для этих мелких требований достаточно простой забастовки, если она будет вестись с подобающей силой и смелостью»*.

О каких это «преследуемых целях» говорится здесь? Уж, сохрани Бог, не о «промежуточных» ли? Или «мелкие» требования перестают быть мелкими и теряют характер «промежуточности», если на них нисходит святой дух анархизма?

Судьба «минималистов», по мнению наших строгих критиков, предрешена. Минималисты начинают с таких рассуждений: с чем идти к рабочим? Пойдут ли они сразу на широкие требования? Может быть, сначала «им доступны только конкретные, пожа-

---

* «Хлеб и воля», стр. 48.

луй, мелкие, требования, касающиеся их ежедневной жизни». Но эта не беда, ибо «на этом они воспитываются, это, в руках пропагандиста и агитатора, ценное и наиболее пригодное орудие».

Анархисты не согласны с этой защитой минимальных требований и программ, построенной на признании *агитационного* (или, лучше сказать, исключительно-агитационного их значения. Кто пойдет за человеком, спрашивают они, если он скажет рабочим: «друзья мои, боритесь за такую-то реформу, тратьте на достижение ее свои силы, досуг, приносите жертвы ради нее, но знайте, что ни эта реформа, ни целый ряд таких реформ ничего вам не даст».

Вот почему анархисты — и совершенно правильно — считают, что либо нужно отказаться вовсе от «мелких требований», либо признавать за ними *не только* одно агитационное значение. Вот почему «всякому пропагандисту всегда приходится проповедовать данную мелкую меру ради ее самой, т. е. ради результатов, которые можно от нее ожидать». А это для анархистов равносильно «неискренности перед собой и другими» (не надо упускать из виду, что, на время полемики с «минималистами», анархисту по штату полагается забывать о своей «практичности» и уметь идти «даже более верным путем» к настоящим, а не призрачным «частичным улучшениям»).

Итак, со ступеньки на ступеньку... Первая стадия — признание мелких требований ради агитации; вторая, логически из нее вытекающая — признание их «ради их самих». Теперь также неизбежно идет в грехопадении нашего пропагандиста и стадия третья: «постоянно вращаясь в сфере мелких требований, он испытывает на себе влияние собственной пропаганды; эти требования приобретают в его глазах все большую важность, и то, что прежде являлось лишь средством агитации, кажется теперь прямым путем к достижению цели».

Наконец, стадия четвертая и последняя. Коготок увяз — всей птичке пропасть. «Так должно быть со всяким деятелем, раз он вступил на путь уступок. Его толкают те самые люди, на которых он думал лучше и легче повлиять, не запугивая их слишком резкими и широкими требованиями. Не он навязывает теперь им свою программу, а они ему». Во-вторых: его проповедь теперь уже «привлекает в партию не только людей, стремящихся к одной с ней конечной цели и разделяющих ее убеждения, но и массу посторонних, пришедших ради того или другого пункта програм-

мы-минимум...» Но в критический момент такие попутчики покидают партию, ибо это не настоящие ее приверженцы; результатом неожиданной измены является разочарование, подрыв престижа партии, период упадка — ибо партия неблагоприятно слилась с множеством «жрецов минутного, поклонников успеха»...*

Какие мрачные перспективы! И все это способна надеть эта ужасная, эта зловредная программа-минимум! Конечно, нужно скорее сбросить с себя ее бремя!

И анархисты сбрасывают. Посмотрим теперь, освобождаются ли они от того хождения по мытарствам, на которое обречены души бедных минималистов. Посмотрим, как они минуют все эти зловония четыре стадии грехопадения.

Стадия первая. «Большое значение мы придаем повседневной борьбе рабочих с хозяевами... Повседневная борьба — хорошая школа для сплачивания угнетенных. Часто бывает хорошо начинать революционную агитацию и борьбу на почве реальных, местных интересов, выставлять частные, всем понятные требования. При этом можно рассчитывать соединить большое число угнетенных»**.

Итак, «для агитации» мелкие требования уже приняты, и не для чего другого, как для приспособления к массе. <...>

Грехопадение совершилось. Реформы — «могучее агитационное средство». Теперь *«weg A sagt, muss auch B sagen»*². Должна наступить стадия вторая. Реформы, мелкие улучшения должны быть признаны и «ради их самих», т. е. «по тем результатам, которые они делают» — а не только ради агитации. И за этим дело не станет. «Исходя из этой точки зрения, ко всякому средству повседневной борьбы мы предъявляем два требования: во-первых, чтобы оно действительно давало что-нибудь для улучшения положения рабочего...»***.

Как видите — увь! облегчив себя и выбросив за борт программу-минимум, анархизм не уходит от той судьбы, которую он считал уготованной своему противнику в возмездие за смертный грех признания этой программы. Через вторую стадию он добивается и до третьей, на которой, как известно, «то, что прежде

---

* «Хлеб и воля», стр. 127–134. Перепевы этого см. у Таг-ина, «Принципы трудовой теории», стр. 92.

** Там же, стр. 15.

*** Там же, стр. 50.

являлось лишь средством агитации, теперь кажется прямым путем к достижению цели». В самом деле, анархисты очень подробно доказывают, что при их тактике для реформ не приходится жертвовать конечною целью, — совершенно напротив: «Работая таким образом, мы содействуем частичному улучшению, и в общей сумме, приближаемся к нашей цели»*.

Пройдя все три фатальных стадии, казалось бы, анархисты должны подойти и к естественному концу: поддаться влиянию людей, на которых хотели повлиять выставлением мелких требований; приобрести «попутчиков», которые изменят в решительный момент; тем подготовить себе неудачи, падение престижа, разочарование, упадок... Но тут вдруг оказывается неожиданная вещь. Что русскому здорово, то немцу смерть. Анархист приходит к торжеству через те же самые стадии грехопадения, через которые социалист приходит к гибели! Оказывается, что «нас не должна пугать умеренность народных требований». «Если народ и выставляет в начале движения требования, умеренность которых нас немного смущает, то он никогда не остается на почве умеренности при развитии движения; по мере расширения движения расширяются и его требования»... В моменты революции... народ идет в нашу сторону»**. Но именно эти самые аргументы и приводят социалисты, когда, борясь за всю свою интегральную программу, попутно они отстаивают те или другие минимальные требования. Они тоже рассчитывают, что важно вовлечь рабочих в борьбу, а там, уже в самом процессе борьбы, учась из опыта этой борьбы, они логически будут двигаться вперед. Дело социализма — пойти навстречу этому суровому жизненному опыту, и своими указаниями облегчить и ускорить его влияние. В борьбе за частичные улучшения, за минимальные требования массы приучаются видеть в социалистической партии своего верного друга и надежнейшего руководителя. Это заставляет массу доверчивее относиться и к проповеди новых для нее сложных идей о полном переустройстве всего общества. <...> Уменьше добиваться осуществления «частичных улучшений» и «минимальных требований» делается залогом еще более успешной борьбы за конечную цель. Каждое завоевание становится опорным пунктом для нового натиска...

---

* Там же, стр. 47.

** Там же, стр. 84.

Таким образом и получается следующая картина. Социалистическая партия неустанно борется за всю свою интегральную программу, привлекая под ее знамя все больше и больше сознательных, организующихся и вырабатывающих в себе боеспособность приверженцев. <...> Реформа при такой тактической системе, не есть противоположность революции, но одно из ее орудий; мы не можем говорить: «революция или реформа?», но «революция и реформа», революция при посредстве, при использовании всех возможных (и, разумеется, действительных, а не мнимых) реформ.

Эту идею пытаются выразить и анархисты, когда они говорят, что «как социалисты, мы должны неустанно бороться для проведения наших принципов в жизнь; походя же мы можем содействовать и осуществлению частных реформ». Или, в другом месте: «Борьба за улучшение не должна быть *содержанием* социалистического движения, а лишь *попутною* в той борьбе, которую мы ведем для интегральной реализации рабочего идеала»*.

«Попутно», «походя»... Эти слова могут быть удачны или неудачны, уместны или неуместны, смотря по тому, какой смысл в них вкладывать. «Попутно» — это может означать «параллельно», «одновременно», «вместе», «тем самым», — но может означать также «мимоходом», «между делом». Анархисты склонны вкладывать в эти слова именно последний оттенок, чем и вносят элемент дуализма, разрыва между борьбой за конечную цель и борьбой за частичные улучшения. Последние являются как бы отвлечением в сторону, «попутно» допустимым — но именно не более, как допустимым, даже терпимым. Для нас же борьба за частичные улучшения есть интегральная часть борьбы за идеал; она, конечно, не есть «содержание» социалистического движения, но только потому что она есть только подчиненная целому *часть* этого содержания.

Неудивительно поэтому, если анархисты, допуская минимальные требования (требования частичных улучшений), приходят в ужас от одной мысли систематизации их в некоторое целое, «программу-минимум». <...> Конечно, в этой ненависти много наивного, и трудно воздержаться от улыбки, когда читаешь такое глубокомысленное заявление: «Борьба за частичные

---

* «Хлеб и воля», стр. 48.

улучшения — дело серьезное, когда она не возводится в систему; возведенная же в систему, она превращается в реформизм»*.

Если люди постоянно «походя» борются за частичные улучшения, то возможен двойкий выход: или борьба эта ведется случайно, отрывочно, эмпирически, или же, напротив, в нее вносятся обдуманность и систематичность. Если известная деятельность допущена, то странно и нелепо принципиально предпочитать в ней беспорядочность и случайность — методичности. Вы вели борьбу за частные улучшения в течение известного времени. Хотят подвести под эту деятельность черту и подвести итоги. В результате должна получиться некоторая совокупность разнообразных частных улучшений, за которые вы выступали. Достаточно затем расположить их в некотором стройном порядке, классифицировать по рубрикам — и мы получим фактическую минимальную платформу данного движения. Эта платформа только *отразит* действительное положение дела, и потому смешно говорить, будто бы стоит ввести некоторую систему в ранее разрозненные случаи борьбы за частичные улучшения, чтобы получился, вместо «серьезного дела» какой-то «реформизм», которого раньше не было. Систематизация может только вывести наружу ту меру «реформизма», которая в скрытом виде входила составным элементом в движение еще ранее. Конечно, систематизация уже не позволит закрывать на него дальше глаза, — а, видимо, анархисты предпочитают этому блаженство неведения... <...>

Анархисты, конечно, никогда с этим не согласятся. Они, ведь, принципиально, против программы-минимум. У последней нет худших, злейших врагов, чем анархисты. Однако, это ничего не доказывает. Иные обыватели, крайне отрицательно и пренебрежительно относятся к философии. Значит ли это, однако, что сами они по-своему не философствуют о мире? Нисколько. Это значит лишь, что они довольствуются примитивной, грубой, туманной и неясной философией и бегут от настоящей философии. Та же судьба постигает и анархистов. Они тоже имеют фактически свою программу-минимум — только неполную, неразработанную, зародышевую, не формулированную.

И программу-минимум анархистов очень нетрудно вскрыть на основании их сочинений, простым сопоставлением и соединением отдельных отзывов их о разного рода «частичных улучше-

---

* Там же, стр. 49.

ниях». Того же сборника «Хлеб и воля» будет достаточно, чтобы наметить ее основные очертания.

Возьмем, прежде всего, политическую область. В ней минимальные требования анархистов сформулированы совершенно ясно. Они тоже говорят в первую очередь о «так называемой насущной задаче России — низвержении абсолютизма».

«В деле разрушения самодержавия мы даже идем гораздо дальше социал-демократов и соц.-революционеров, ибо мы настаиваем на необходимости — и не завтра, а сегодня же! полного уничтожения всякого самодержавия, тогда как они, пока что, готовы примириться на простом ограничении самодержавия. Дело не в этом. Мы расходимся с вами в том, что вы требуете конституции как гарантии политической свободы, а мы утверждаем, что конституция не есть достаточный гарантия свободы рабочего класса, ибо в конституционных странах буржуазия топчет ногами все писанные на листе бумаги права всякий раз, когда это ей понадобится»*.

«Не конституция как таковая нам нужна, так как мы вообще против всякого государства, а свобода слова, печати и собраний...»**.

Нет надобности долго останавливаться над двумя чудовищными наивностями этого изложения (мы говорим — «наивностями», ибо не хотим предполагать недобросовестности). Анархисты, во-первых, полагают, будто бы мы хотим только «ограничить», а не уничтожить самодержавие. Они с чрезвычайной помпой возвещают, что они, не в пример прочим, настаивают на необходимости этого «не завтра, а сегодня же!» Трудно смотреть без улыбки, когда взрослые люди начинают открывать подобные Америки. <...> Как бы то ни было, политический минимум анархизма ясен: это — полное уничтожение самодержавия (т. е. республика) и «четыре свободы».

Мы знаем, что наша вставка — «т. е. республика» — может возбудить крайний гнев анархистов. Разве они не твердят, что им не нужно никакой «конституции как таковой»? Разве не ясно из этого, что они не хотят и республиканской конституции? Разве для них не противны одинаково все виды конституции, как и все виды государства? Разве они не провозглашают, наравне

---

* «Хлеб и воля», стр. 72.

** Там же, стр. 7.

с лозунгом «долой самодержавие» совершенно также: «долой всякую власть, долой конституцию, долой республику»?

Да, провозглашают. Но ведь это только одна сторона двуликого Януса анархизма. Есть и другая. Та свирепо глядела на республику; эта милостиво ей улыбается.

«Разницу между монархией, и тем более империей, и республикой мы отлично знаем... Мы прекрасно знаем и видим на опыте, что в республике государственная власть бывает слабее, чем в монархии, — и мы вовсе не пренебрегаем тем, что зверю хоть сколько-нибудь когти подрезаны... Мы знаем так же, что в республике, по крайней мере, одним предрассудком меньше — подрывается вера в короля или царя, защитника бедных от богатых; — и мы ценим это...»*.

Итак, безразличие ко всем видам конституции было, действительно, напускным и кажущимся, а на деле мы правильно сформулировали политический минимум анархизма.

Обратимся к минимуму аграрному. Ясен и он:

«Мы будем по мере сил содействовать освобождению крестьян от, по сию пору лежащего на них экономического гнета, чего можно будет достигнуть, может быть, в близком будущем, посредством экспроприации земельных собственников»**.

«Вопрос о формах землепользования после ближайшей народно-рабочей революции для нас, анархистов-коммунистов, разрешается... просто и кратко. Освобожденные общины сами решат этот вопрос... Понятно, первоначально, после народно-рабочей революции, формы землепользования будут очень разнообразны»***.

Если бы все это было настолько же определено и ясно, насколько, «просто (упрощенно?) и кратко», то эта минимальная аграрная программа была бы даже совсем недурна. В теперешнем виде она слишком напоминает знаменитую аграрную резолюцию III-го съезда² по своей бессодержательности.

Остается рассмотреть еще рабочий минимум анархистов. Он несложен и формулируется еще более обще: содействие «частич-

---

* Там же, стр. 143. Мы опускаем, как здесь не имеющие для нас значения, указания на существующие, рядом с отличиями, и сходства разбираемых форм государства.

** «Хлеб и воля», стр. 8.

*** Там же, стр. 201.

ным улучшениям, как, например, уменьшению рабочего дня, увеличению заработной платы и пр.»* Принимая во внимание, что под словами «и пр.» можно разуть как угодно много других мер, эту минимальную рабочую программу вряд ли можно упрекнуть в недостаточности.

Для начала и эта фактическая минимальная программа наших анархистов не плоха. Они имеют достаточно времени для того, чтобы развить ее. Во всяком случае, она несравненно обстоятельнее, чем фактическая минимальная программа других ярких противников минимализма, редакторов заграничного органа «Пролетарское дело»³. Эти решительные максималисты, полуанархисты, большие сторонники г. Поссе и вообще сумбуристы, поедом ели сторонников минимальных программ, что не мешало им, с другой стороны, вверху газеты каждый раз выставлять следующий — видимо, по их мнению, не минимальный — лозунг: «Максимум рабочего дня — восемь часов! Минимум заработной платы — рубль!»

* * *

Минимальные требования, как мы видели, выставляются фактически всеми партиями. Но некоторые упорно отказываются урегулировать это выставление какими бы то ни было нормами. Будем в каждом отдельном случае отдельно оценивать каждое предлагаемое «частное улучшение», каждую предлагаемую реформу — и дело с концом. Это, конечно, более чем просто. В самом обнаженном виде встает здесь грубый эмпиризм под внешностью революционности. Высказываемая боязнь, как бы систематизация минимальных требований и более точная их формулировка, с отделением пшеницы от плевел, не сковала каких-нибудь новых революционных возможностей, не втиснула движения в узкие рамки. Странная боязнь! <...> Систематизированная, приведенная в порядок программа-минимум — это значит устранение непостоянства и колебаний в выборе и определении конкретных форм *действительных* «частичных улучшений», в их отделении от улучшений мнимых, и т. п. Восстающие против программы-минимум, но признающие неизбежность требований частных (т. е. минимального характера) улучшений воют за случайность против системы, за разбросанность и неполноту против правиль-

---

* Там же, стр. 47.

ной классификацию, за капризы и произвол субъективных настроений против определенных норм, за отрывочность против принципиальной законченности. Что же это, если не самый грубый политический импрессионизм?

Но как систематизировать минимальные требования? <...> по отношению к размерам реформ, возможно тройкое решение вопроса.

Можно, с одной стороны, размеры всех требуемых реформ попытаться сообразовать с размерами партийных сил, их влияния на население, степенью подготовленности населения к реформам, силою сопротивления противников — словом, к условиям *практической осуществимости* данного момента. В формулировке реформы при этом как бы стремятся предвосхитить будущую равнодействующую общественной борьбы. Построение тем больше удовлетворит цели авторов, чем скорее каждая данная реформа изживет себя, т. е. именно в этой формулировке осуществится. По мере осуществления своих отдельных частей, эта совокупность требований тоже должна расти и развиваться. — Этот вид систематизации минимальных требований, при котором решающее значение приобретает чутье ближайшей практической осуществимости, называется «политической платформой». <...>

Можно, с другой стороны, характер и размеры всех требуемых реформ извне ограничить требованием бережного отношения к интересам безостановочного развития капитализма. В этом случае линия требований выравнивается по некоторой равнодействующей между интересами физического и морального здоровья трудящихся масс и интересами роста капитализма. Таковы «программы минимум» всех ортодоксально-марксистских фракций международного социализма, и в том числе — российской социал-демократии.

Можно, наконец, ничем не ограничить этих размеров, а брать всякую реформу — всякое противоядие каждому частному виду гнета и эксплуатации — в ее максимальном мыслимом размере. <...> При данном способе составления и комбинирования минимальных требований полное осуществление программы-минимум означало бы безусловную абсолютно-повелительную необходимость (отсутствие другого выхода) немедленного перехода к новому социальному синтезу, к социалистической организации хозяйства. А потому всякий шаг в смысле осуществления той или другой части этих требований означает непосредственное

нападение на устои капитализма и непосредственное приближение социалистического переустройства. По этому типу построена «минимальная» часть программы партии социалистов-революционеров. Я предложил для этой части ее программы, как мне кажется, более подходящее название, чем «минимальная», именно «аналитическая». В ней проявляется главным образом работа разложения, детального подрыва по частям всего буржуазного строя; и по мере того, как эта работа подвигается вперед, она требует всё настоятельнее и настоятельнее нового синтеза (осуществление конечной цели).

Противники программы-минимум неизменно путаются между тремя этими построениями, то и дело немилосердно смешивая их. Так анархисты на все лады повторяют относительно всякой программы-минимум, что она ограничивает извне размах требований, — и тем показывают что не в состоянии отрешиться от специальной социал-демократической концепции минимальной программы. <...>

Против же нашей систематизации частичных требований в «аналитической» части программы до сих пор мы не видели возражений по существу, а только — возражения по недоразумению. К каким внутренним противоречиям приводит такого рода война против «программы-минимум», — мы и старались показать в этой статье, на примере самых крайних «максималистов»-анархистов.

